

взаимоотношений между государственными институтами и религиозными организациями приводит к неопределенности этих взаимоотношений. Разработка политической стратегии в отношении государства к церкви, необходимость определения правовых границ этих взаимоотношений, правовая оценка таких основных понятий как «традиционные религии», «светское государство» и др., являются одними из злободневных проблем, стоящих перед государством при решении вопросов, связанных с созданием оптимальной модели взаимоотношений церкви и государства. Сегодня же законодатели по-разному видят перспективы развития государственно-конфессиональных отношений, исходя из конкретных политических ситуаций, а не из долгосрочной стратегии.

Фомина М.Н.

Читинский государственный университет

ПРИРОДА ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Государственно-церковные отношения на протяжении многих веков являются характеристикой и составной частью системы отношений любого общества. Они формируются как результат целенаправленной государственной политики (выступая в этом случае идеологией), с одной стороны, и как потребность реализации общественно-личностных интересов (являясь мировоззрением), с другой. Будучи относительно самостоятельными, они находятся в тесной связи с социальными, экономическими, политическими, правовыми, нравственными отношениями общества.

Сегодня Россия, согласно действующей Конституции — демократическое светское государство, следовательно, российская государственность стоит перед необходимостью определения новой модели взаимоотношения с церковью (религиозными объединениями), поиска новых форм взаимодействия с религиозными структурами. Это положение диктует необходимость рассматривать систему «церковь-государство» как «церковь — государство — гражданское общество» применительно к системе отношений государства с Русской Православной Церковью. Включение понятия «гражданского общества» обусловлено тем, что не может быть абстрактной политики, так же как и абстрактной религии. Обращение к Русской Православной Церкви обусловлено тем, что в современной России изменилось ее положение. Выстраивая линию взаимоотношения с государством, от которого она отделена законодательно, церковь как политический институт принимает на себя

решение некоторых политических задач и функций, становясь той политической структурой, которой она была в имперской России. Но здесь необходимо заметить, что церковь выполняла в те годы не только социальную, но и государственную функцию, будучи государственной религией. Таким образом, по отношению государства к Русской Православной Церкви, как показала история, можно судить о религиозной динамике, о природе социорелигиозных отношений, о роли церкви в государстве, об отношении государства к религии.

Будучи элементом политической структуры, церковь в гражданском обществе взаимодействует со структурами социальных институтов. Если к политическим институтам относятся государство, политические партии, церковь, СМИ, то к социальным — собственность, семья, трудовые организации, учреждения образования и воспитания, наука. Это уточнение определений социального характера дает возможность акцентировать внимание на том факте, что церковь находится между двумя полюсами: «отделена от государства» и, как и государство, «является формой политической системы общества». Поэтому и функции церкви аналогичны функциям политического института: охранительная, социально-критическая, которые по своей сути совпадают с внутренними функциями государства.

Для исследования происходящих в России процессов, обусловленных системой «государство-церковь», перспективно использование понятия «институциональная модель общества», которая обозначает совокупность базовых (правовых, религиозных, бытовых и т.п.) институтов конкретного общества. Учитывая положение, озвученное С.Г. Кирдиной, что институциональная модель описывает не всю совокупность тех или иных институтов, а систему основополагающих, внутренне взаимосвязанных и взаимообусловленных правил иного общества[2, 27], необходимо рассматривать гражданское общество как совокупность социально-политических официальных (общественные организации, политические партии, государственные институты, властные структуры) и неофициальных (социально-активные граждане, которые принимают участие в управлении делами государства) институтов, основные элементы которых — разнообразие форм собственности, незыблемость прав и свобод, цивилизованная правовая власть.

Анализ исторического процесса становления государственно-церковных отношений в России показывает, что это, прежде всего, внерелигиозные связи, то есть государство и церковь оперируют в системе данных отношений не проблемами веры и догматов, а отношениями институтов, как государства, так и церкви (монастыри, церковные приходы, современные университеты и факультеты богословия). Институты государства и институциональные религиозные образования представляют элементы политической системы,

посредством которых выстраивается внутренняя политика государства, обеспечивается бесконфликтный процесс развития общества. С учетом этого факта, необходимо рассматривать взаимообусловленность государственно-церковных и политико-религиозных отношений. Тем самым, это позволит уточнить, что словосочетание государственно-религиозные отношения (по аналогии — государственно-религиозная политика и т. п.), логически — неверное.

Государственно-церковные отношения анализируются с нескольких взаимообусловленных подходов. Это: социально-исторический, социально-логический, философско-мировоззренческий, историко-культурологический, политический. Здесь необходимо взять во внимание только политическую обусловленность государственно-церковных отношений. Это объясняется тем, что перед властью духовной стоят такие же задачи по укреплению своего единства на территории России, СНГ и за рубежом, какие стоят перед властью светской — государством — по выстраиванию вертикали власти. В данном случае речь идет о задачах этико-нравственной обусловленности, которые стоят перед духовной властью, задачах социально-политических — перед государством, если у одной ветви власти — право формировать духовно-нравственный мир, то у другой — политико-правовой, если одна оперирует к закону души, то другая — к закону права. Поэтому если, по словам патриарха Алексия II, «Русская церковь выступает против силового навязывания государством своей воли другим странам и народам» [4], то речь идет о том, что церковь раскрывает, тем самым, свое отношение к государственной политике.

По мнению С. Шутовой, тип модели отношений государства и церкви зависит от дифференциации политических и религиозных институтов, от степени, численности последователей религиозного объединения, от национального состава государства, от степени организованности религиозных объединений, а также — от целей и задач государственного управления [3].

На основе вышесказанного модели государственно-церковных отношений можно определить так. Первая модель характеризуется слиянием церковной и государственной власти; вторая — наличием государственной церкви, третья — отделением церкви от государства, четвертая — частичным отделением церкви от государства, пятая — наличием церкви в квазисветском государстве.

Первая модель представляет теократическое государство, где церковная власть включает в себя светскую, а функции государственного аппарата выполняет церковная иерархия (например, в Иране). При второй модели определенная религия официально закреплена как государственная (Великобритания, Швеция). Государственная церковь является частью

правительственного аппарата, выполняет ряд светских функций в обществе, обладает различными привилегиями в сфере экономических, правовых и политических отношений. При третьей модели конфессии отделены от государства и являются равными перед законом (США, Франция). Ни одна конфессия не имеет предпочтения по отношению к другой. Между государством и церковью осуществляется принцип невмешательства во внутренние дела, как церкви, так и государства. При четвертой модели (Испания, Польша) официально все конфессии признаются государством равными перед законом. Однако, одна из церквей имеет преимущественное положение. Религиовед Гаражда В.И. выделяет модель квазисветского государства [1, 137], (которую мы трактуем как пятая модель), когда церковь лишается статуса юридического лица и фактически находится под запретом. Государство экспроприирует ее собственность, осуществляет тотальный контроль над любыми проявлениями деятельности религиозных общин (что было характерно для СССР). Необходимо отметить, что в России только на протяжении XX века последовательно было реализовано большинство отмеченных моделей.

В истории российского государства первая модель взаимоотношений государства и церкви не реализована. Исторически так сложилось, что Русская Православная Церковь была главной духовной опорой российского государства и поэтому складывавшиеся между ними взаимоотношения были стержнем государственной и церковной политики. Исходя из исторической определенности, акты российского права отражают влияние византийской правовой традиции. Это нашло свое отражение и в византийских сборниках церковных правил — номоканоны (потоз.— светские законы, сапоп.— церковные законы).

В 1980-е годы была отменена 6 статья Конституции СССР (о направляющей роли партии), что способствовало проявлению различного рода инакомыслия (не только религиозному). Подготовка к празднованию 1000-летия православия на Руси явилась точкой отсчета новой политики государства к церкви в РСФСР. В 90-е годы спортивные арены и кинотеатры были отданы «на службу» религиозным миссионерам, что поддерживалось принципом плюрализма (который из партийных «ориентации» перерос в религиозные, породив в России много-религиозную систему, как по аналогии с партийной). Первые лица государства, не имея достаточно глубоких знаний по религиозной культуре, руководствуясь принципом вседозволенности (перенеся его с партийных дебатов на религиозные), встречались с лидерами новых религиозных движений, которые в это же время были запрещенными в Европе и в США. А с распадом Советского Союза, у Русской Православной Церкви появилась новая функция. В 1990 г. был принят Закон СССР «О свободе совести и религиозных организациях», утвердивший за отдельными

приходами и церковными учреждениями статус юридического лица. У церкви появилось право иметь в собственности недвижимость, защищать свои интересы в суде, участвовать в общественной жизни и пользоваться СМИ. Закон сохранял прежний орган государственного контроля — Совет по делам религий при Совете министров, но лишал его властных полномочий по отношению к церкви: он становился «информационным, экспертным и консультативным центром» [1, 437-438]. Принятый месяц спустя российский закон «О свободе вероисповеданий» Совет по делам религий вообще упразднил. Оба закона впервые в советской истории признают права юридического лица как общественной организации за Русской Православной Церковью. Впервые было отмечено, что государство не возлагает на религиозные организации выполнение каких-либо государственных функций и не вмешивается в деятельность религиозных организаций.

Совет по делам религий в законе РСФСР был упразднен и заменен на Комиссию по свободе совести и вероисповеданиям в Государственной Думе. В изменении политики государства по отношению к церкви прослеживается тенденция демократизации российского общества. Россия начинает заявлять себя на международной арене как равное другим демократическим государствам. Поэтому религиозная политика, которая в этот период оформилась как консолидация государственных и церковных интересов, раскрывалась на фоне реализации, прежде всего, международной политики РСФСР. Свобода слова, юридический статус Русской Православной Церкви, свобода вероисповедания должны были стать для мировой общественностью показателем готовности государства к международному сотрудничеству равных.

События августа 1991 г. показали, что Русская Православная Церковь — не отделена от общества и от государственной политики, что в критические минуты она может вмешиваться в политику России. Поэтому в первом Послании патриарх Алексей II ставит вопрос о законности ГКЧП и только во втором обращается к духовенству и пастве. В 1991 г. первый Президент России Б. Ельцин был благословлен на инаугурации Патриархом Алексием II. У Патриарха появился прямой провод с Президентом, а у митрополита Кирилла — с правительством. Патриарх, так как и Президент, стал руководителем государства (на своем уровне), о чем говорит и график его официальных встреч[5].

В сентябре 1997 г. был принят Государственной Думой Федеральный Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» и одобрен Советом Федерации, а в декабре 2003 г. в него были внесены дополнения и изменения. Это говорит о том, что назрела практическая необходимость создать научно обоснованную, базирующуюся на законодательной основе концепцию отношений государства и церкви.

Закон, как достаточно противоречивое образование, не содержит нормы прямого действия при регулировании всех важнейших общественных отношений в религиозной сфере.

Это обусловлено и тем, что Конституция РФ декларирует в качестве правовой основы принципы свободы совести каждому (ст. 28), светскости государства и равенства религиозных объединений перед законом (ст. 14), равенства прав и свобод гражданина независимо от отношения к религии, убеждений (ст. 19) и ряд других принципов, имеющих значение только во взаимной связи. Но отношения демократического правового государства, поставившего в качестве цели построение открытого гражданского общества, должны строиться с религиозными объединениями на общих с иными общественными некоммерческими объединениями правовых основаниях.

Тема отношений Российского государства с религиозными объединениями в настоящее время является наиболее острой. Актуальность вопроса обуславливается, с одной стороны, зависимостью реализации прав человека в сфере свободы совести вообще и формирования соответствующей законодательной базы, в частности, от отношений государства с религиозными объединениями, а с другой — активными (начиная с 2001 г.) попытками создания концепции отношений Российского государства с религиозными объединениями (с учетом законопроектов, регулярно вносимых в Государственную Думу и направленных на законодательное закрепление государственных конфессиональных предпочтений).

В конце 2002 г. в ходе работы научно-практического семинара «Северная столица — перекресток духовных традиций», заведующая кафедрой религиоведения РАГС при Президенте РФ О.Ю. Васильева сообщила о том, что идет работа над новой концепцией государственно-религиозных отношений. По словам О.Ю. Васильевой, новый проект «не будет реанимацией старого документа», подготовленного кафедрой религиоведения РАГС в 2001 г., так как он ориентирован на решение задачи противодействия государства религиозному экстремизму. В случае если указанная концепция будет принята, она составит основу научного обоснования политики государства в данной сфере и, возможно, сформирует базу для изменения законодательства о свободе совести.

В 2001 г. также Институтом государственно-конфессиональных отношений и права и Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве был подготовлен аналогичный проект. В разработке проекта приняли участие заместитель начальника столичного управления Министерства юстиции В.Н. Жбанков и группа юристов [6].

Концепция отражала совокупность официальных взглядов на состояние, цели, принципы и основные задачи в отношениях федеральных органов государственной власти и органов государственной власти

субъектов Российской Федерации с религиозными объединениями, действующими в стране. Она исходила из необходимости обеспечения единства культурного пространства и государственной целостности России в новых исторических условиях ее развития, сохранения и упрочения связей с соотечественниками в зарубежных странах, учитывала государственные интересы и интересы религиозных объединений и их последователей, а, следовательно, общества. И как отмечают авторы и разработчики Концепции, она разработана в целях обеспечения согласованности усилий органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации по совершенствованию и развитию их отношений с религиозными объединениями (государственно-конфессиональных отношений), направленных на обеспечение условий реализации гражданами Российской Федерации свободы вероисповедания, а также условий сохранения и развития духовно-нравственного потенциала многонационального народа Российской Федерации. Авторы документа, ссылаясь на российскую Конституцию, подчеркивают, что государство не может поддерживать пропаганду атеистических идей и учений, включая атеистические или агностические взгляды на религию. Поэтому государство, указывается в документе, призвано сотрудничать с традиционными религиозными организациями и содействовать сохранению их духовного и культурного наследия.

В Концепции, подготовленной кафедрой религиоведения РАГС под руководством О.Ю. Васильевой отмечено, что этот документ представляет собой систему взглядов на цель, задачи, принципы и основные направления эффективной политики в сфере государственно-конфессиональных отношений, свободы совести и вероисповедания с учетом многообразия форм присутствия религии в обществе [7]. Она основывается на признанных Российской Федерацией принципах и нормах международного права, международных договорах Российской Федерации, Конституции Российской Федерации, федеральном Законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997), Концепции национальной безопасности Российской Федерации (2000), других нормативных правовых актах России. Поэтому она учитывает федеративный характер Российского государства, культурное и религиозное многообразие России.

Если в первом варианте (Института государственно-конфессиональных отношений и права) среди традиционных конфессий особо выделено православие, которое явилось государство-образующей религией в России и оказало определяющее влияние на формирование русского народа, то во втором (кафедра регионоведения РАГС) особо отмечено, что ряд

российских конфессий сформулировали в своих социальных доктринах религиозное понимание государственно-конфессиональных отношений; однако светский характер государства определяет необходимость выработки концептуальных оснований религиозной политики Российского государства.

В варианте О.Васильевой впервые были отмечены причины отсутствия эффективной религиозной политики в России, которые, по мнению ученых-религиоведов, состояли в следующем. Это:

- рассогласование, в силу объективных исторических обстоятельств, федеральной и региональной политики по отношению к религиозным объединениям;

- неразработанность категориального аппарата, а также методики для анализа и оценки современных религиозных процессов в России;

- отсутствие системности в действиях органов государственной власти, ответственных за сферу государственно-конфессиональных отношений;

- доминирование в заключениях экспертного сообщества правозащитного подхода, либо подходов, характерных для религиозных социальных концепций;

- отсутствие механизмов ответа на вызовы со стороны негативных, экстремистских проявлений религиозной и псевдорелигиозной активности;

- ограничение государственной религиозной политики сферой исключительно государственно-конфессиональных отношений, понимаемых как взаимодействие между государственными органами и религиозными организациями.

Эту позицию необходимо сравнить с другим вариантом, где в Концепции отмечено, что в настоящее время существенное влияние на отношения между государством и религиозными объединениями оказывает ряд следующих взаимосвязанных факторов общественного развития, к ним разработчиками было отнесено:

- становление и развитие в Российской Федерации широкой общественной сферы реализации гражданами и их объединениями демократических прав и свобод, закрепленных Конституцией Российской Федерации, одним из следствий чего является сложный процесс формирования гражданского общества, важными элементами которого являются религиозные объединения;

- недостаточное развитие форм взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления с общественными, религиозными объединениями и другими институтами гражданского общества, что ограничивает возможности граждан влиять на

управление делами государства и местного самоуправления, в том числе доводить свое мнение и реализовывать свои законные интересы;

- проявления духовного кризиса современного российского общества во всех сферах его жизнедеятельности, девальвация системы традиционных духовно-нравственных ценностей, мировоззренческая дезориентация значительной части общества, потеря нравственных ориентиров во многих областях современной культуры и социальной жизни, включая ослабление духовно-нравственных основ института семьи, и другие негативные социальные последствия;

- наличие угроз национальным интересам и государственной безопасности России, связанных с использованием религиозного фактора;

- наличие угроз сохранению этнокультурной идентичности, сохранению и развитию духовных традиций народов России;

- обострение проблем, связанных с проявлениями религиозной вражды и активизацией религиозного экстремизма в обществе;

- активизация деятельности религиозных объединений, в том числе иностранных, наносящей ущерб здоровью, нравственности, правам и законным интересам граждан, а также другим, защищаемым законом интересам личности, общества и государства.

Как отмечено в данном варианте Концепции, вышеуказанные факторы общественного развития проявляются в разных сферах жизни общества, в том числе в сфере отношений между государством и религиозными объединениями, и обуславливают существование комплекса проблем, для решения которых государство принимает необходимые меры в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Таким образом, здесь представлены два пути решения одной проблемы. Мы видим, что работа научного коллектива под руководством О.Ю. Васильевой анализирует причины отсутствия религиозной политики в России, а творческий коллектив Института и Минюста исходит из фактов действительности, которые дают «почву» для подготовки данной Концепции. Но какое бы направление не избирали составители Концепции, они, так же как и любая другая третья сторона, прежде всего, сталкиваются с тем, что ни в Конституции РФ, ни в нормах международного права ничего не говорится о государственно-конфессиональных отношениях и государственной вероисповедной политике. Конституция, подтверждая свою приверженность принципам и нормам международного права, отмечает, например, принцип свободы совести каждому, как правовую основу государства.

Мы видим, что в варианте Института речь идет об отношениях государства с религиозными объединениями, а в варианте кафедры — о сфере государственно-конфессиональных отношений, поэтому в данном анализе мы разграничили эти две сферы.

Необходимо отметить, что в рамках подготовки варианта Концепции Институтом был проведен конституционно-правовой анализ [8], предметом которого являлось выяснение правового содержания принципа светского характера государства. Анализ взаимоотношений и связей двух правовых норм части 1 статьи 14 Конституции Российской Федерации — о светском характере государства в Российской Федерации и о запрете на установление какой-либо религии в качестве государственной или обязательной — показывает, что вторая из указанных правовых норм является вторичной, подчиненной по отношению к первой, уточняет ее.

Это не значит, что толкование принципа светского характера государства в РФ отождествляется с антирелигиозным или атеистическим характером государства. Данное «двумыслие», по нашему мнению, можно объяснить тем, что в Конституции Российской Федерации отсутствуют положения, устанавливающие атеистический или антирелигиозный характер государства. В. Даль определяет светскость как: «Свѣтскш, ко свѣту (м!ру) въ разнх. знчнх. отнсщ., земной, м!рской, суетный; или граж-данскш. Светская власть, пртвпл. духовная. — люди. — духовенство» [9]. Таким образом, светское государство — это такое государство, в котором власть принадлежит мирским, гражданским властям, поэтому противоположностью светскому государству является теократическое государство.

В данном случае, нам необходимо обратиться к проекту кафедры, где понятие светскость уже закладывается в концепцию. Как отмечено выше светскость государства означает, что государство не использует в качестве официальной никакую религиозную идеологию и обеспечивает равные права граждан на реализацию свободы совести и вероисповедания, так как не ассоциирует себя ни с какой религией. В конституционно-правовом анализе эта мысль развита следующим образом.

Светское государство в типологии государств по принципу соотношения государственной власти и религиозной идеологии отличается от теократического государства, в котором религиозный лидер (глава религиозной организации) или группа религиозных лидеров находятся во главе государства, возглавляют органы государственной власти, при этом религиозные объединения не отделены от государства, отсутствует разделение полномочий органов государственной власти и руководства религиозной организации, происходит смешение органов государственной власти и органов управления религиозной организации, религиозные организации обладают правом участвовать в деятельности государственных органов или влиять на их деятельность. Таким образом, мы видим, если в первом случае речь идет о формировании идеологии, которая в последующем определяет тип государства, то во втором — о государственной власти.

Говоря о светском характере государства, мы отмечаем, что в государстве присутствует правовое регулирование реализации гражданами права на свободу вероисповедания и деятельности религиозных объединений. Это достигается благодаря тому, что система отношений между государством и религиозными объединениями не является изолированной от всей остальной системы общественных отношений, а является ее частью, испытывая на себе влияние многих социальных процессов.

В статье Журавского А., Кырлежева А.[10] отмечено, что эффективность политики определяется, во-первых, ее прагматизмом (т.е. ориентированностью на защиту национальных интересов), а во-вторых, следованием демократическим принципам. Эта позиция проявляет себя и в представленной Концепции кафедры.

Необходимо так же заметить, что в России сегодня нет религиозной политики, а есть порочная практика лоббирования интересов. Говоря о специфике и особенностях этнических, национальных отношений — мы говорим о национальной политике (концепция которой продолжает разрабатываться уже на региональных уровнях); говоря о необходимости регулирования деятельностью в сфере культуры — мы говорим о культурной политике (аналогично — она только озвучена); необходимость переосмысления системы образования предполагает наличие образовательной политики, судьба которой аналогичны выше названным. Поэтому мы отмечаем, что в современной России необходимо определение концепции религиозной политики, которая определила бы специфику взаимоотношений государства и церкви как элементов политической системы общества. В противном случае, мы вновь сталкиваемся с очередной схоластикой.

На круглом столе «Государственно-церковные отношения. Новая концепция», который состоялся на портале «Религия и СМИ»[11] по этому вопросу отмечено, что сначала необходимо создавать механизмы доверительного взаимодействия между государством и религиозными организациями. Нужен орган, который выстраивает вероисповедную политику сегодняшнего дня, не претендуя на руководство глобальными религиозно-политическими процессами. Он заключает конкордаты с религиозными организациями. Он разрешает конфликтные ситуации и по возможности предупреждает их. Это, по мнению участников круглого стола, способствует становлению социального партнерства.

Необходимо, по нашему мнению, остановиться и на таком моменте, как признание религиозных объединений. Так, например, в концепции института, среди традиционных конфессий особо выделено православное

христианство, которое явилось государствообразующей религией в России, оказало определяющее влияние на формирование русского народа (как показано нами в таблице), а также и ислам. Это обусловлено тем, что тема отношений России с религиозными объединениями (конфессиями) в настоящее время является наиболее острой, Актуальность вопроса обуславливается, с одной стороны, зависимостью реализации прав человека в сфере свободы совести и формирования законодательной базы в сфере отношений государства с религиозными объединениями, а с другой — активными (начиная с 2001 г.) попытками создания концепции отношений Российского государства с религиозными объединениями. Это объясняет деятельность кафедры по осмыслению таких категорий, как «свобода совести», «религиозная политика», «светскость государства» и т.п. с целью определения современного состояния, доминирующих тенденций, приоритетов и перспектив в данной сфере.

Но мы не достигнем цели нашего анализа, если не отметим, что оба проекта «Концептуальные основы государственно-церковных отношений в Российской Федерации» (кафедра религиоведения РАГС при Президенте РФ) и «Концепция государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями в Российской Федерации» (разработан региональной общественной организацией «Институт государственно-конфессиональных отношений и права» и Главным управлением Министерства юстиции РФ по г. Москве в лице заместителя начальника Главного управления В.Н. Жбанкова) были подвержены уничижительной критике (и как это бывает у нас чаще всего — без конструктивных предложений). Ряд замечаний был направлен на то, что эти проекты хотя и были представлены как альтернативные, на самом деле одинаковы по сути [12]. Было замечено, что общим недостатком является противоречащая Конституции РФ идея введения понятия «традиционные религиозные организации» в правовое поле России.

В 2002 г. в Государственной Думе депутат А. Чуев подготовил проект «О социальном партнерстве государства и традиционных религиозных организаций в Российской Федерации» [13]. Преамбулой его являются слова, что настоящий Федеральный Закон принимается в целях обеспечения основ общественной нравственности и осуществления гармоничного взаимодействия между государством и религиозными организациями, являющимися неотъемлемой частью исторического духовного и культурного наследия народов Российской Федерации. Но будучи внесен 18.02.2003, он был снят с рассмотрения ГД в связи с несоблюдением требований части 3 статьи 104 Конституции РФ и статьи 105 Регламента. Тем не менее, данный законопроект основывался на двух предыдущих «О

традиционных религиозных организациях в Российской Федерации», которые были презентованы в феврале и марте 2002 г.

Депутат А. Чуев предлагал законодательно закрепить разделение религиозных объединений (которые по Конституции РФ равны) на: традиционные религиозные организации России — зарегистрированные централизованные религиозные организации, действующие на территории РФ не менее 85 лет, состоящие из местных организаций, действующих на территории более 10 субъектов РФ, и признанные в соответствии с настоящим Федеральным законом неотъемлемой частью исторического, духовного и культурного наследия народов России; региональные традиционные религиозные организации — зарегистрированные централизованные или местные религиозные организации, действующие на территории отдельных субъектов РФ не менее 85 лет и признанные неотъемлемой частью исторического, духовного и культурного наследия народа, проживающего на территории субъекта РФ. В качестве отношений социального партнерства между государством и традиционными религиозными организациями он определяет весь комплекс взаимодействий между органами государственной власти и традиционными религиозными организациями, направленных на социальное, духовное, культурное и нравственное оздоровление общества и находящихся в сфере регулирования ФЗ «О социальном партнерстве государства и традиционных религиозных организаций в Российской Федерации». Соответственно предметом регулирования законопроекта в случае принятия должны стать правоотношения, возникающие в связи с приобретением и реализацией статуса традиционной религиозной организации, а также правовое регулирование отношений социального партнерства государства и традиционных религиозных организаций.

Аналогично в декабре 2002 г. депутат С. Глазьев вносит законопроект в Государственную Думу «О социальном партнерстве государства и религиозных организаций в целях сохранения национальных духовных традиций и обеспечения социальной защиты населения России» [14], где представлено очередное объяснение традиционности религии. Так, озвучено, что к традиционным религиозным организациям относятся Русская православная церковь, а также ислам и буддизм в местах традиционного компактного расселения мусульманских и буддистских общин. Поэтому указанный статус учитывается государством при заключении договоров о социальном партнерстве. При этом «традиционным» религиозным объединениям государство будет помогать в социальной деятельности; им позволит обучать религии в школе; они смогут заключать договора о льготном или бесплатном доступе к ТВ и

радио; с ними государство имеет совместные издательские программы; они допускаются в армию и в тюрьмы; помогает создавать духовные миссии за рубежом или вводит священнослужителей в штат посольств, поддерживает там же братства и т.п. общины; государство выбивает и даже выкупает принадлежавшие им ранее земли, предметы культа и т.д. за рубежом. Данная позиция даже без глубокого анализа раскрывает возможность проявления религиозного шовинизма. Можно заметить, что выделение «традиционных религиозных организаций» нарушит не только конституционную норму (ч. 2 ст. 14 Конституции РФ), но и еще ряд взаимозависимых конституционных норм, которые каждому гарантируют свободу совести (ст. 28), равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии, убеждений (ч. 2 ст. 19). Конституция РФ подтвердила в качестве правовой основы такие цивилизованные нормы, как светскость государства, равенство граждан вне зависимости от их отношения к религии и равенство религиозных организаций.

Таким образом, мы видим, что государственная религиозная политика, так же как и отношение государства с конфессиями подчинены политическим интересам. Исходя из того, что отношения системы государство-церковь проявляются на различных уровнях политической и общественной жизни (в законотворчестве, науке, образовании и т.п.) реализация декларируемых конституционных прав в области свободы совести находится в глубоком, системном кризисе. Попытка определить традиционные и нетрадиционные религиозные объединения ведет к тому, что определяется политика господствующей религии. Отсутствие религиозной политики в государстве ведет к потере политических приоритетов в контексте гражданского общества. Демократическое поликультурное поликонфессиональное общество не может говорить о приоритетах в государственно-конфессиональных отношениях, о социальном партнерстве с отдельно взятой церковью. Определение форм сотрудничества между государством и религиозными объединениями связано с формированием законодательства о свободе совести, направленного на разграничение религии и политики в правовом поле. Поэтому сегодня характер отношений государственных структур с религиозными объединениями определяет не только реализацию свободы совести, но и во многом будущее гражданского общества в России, ее место в формирующемся глобальном сообществе.

Примечания

¹ Гараджа В. И. Социология религии. / В. И. Гараджа // М., 1995.

² Кирдина С. Г. Политические институты регионального взаимодействия: Пределы трансформации / С. Г. Кирдина // Общественные науки и современность. 1998. № 5.

- ³ Шутова С. Некоторые аспекты государственно-церковных отношений в России в XX веке / С. Шутова // <http://rchgi.spb.ru/Pr/bchm00/shutova.ht>
- ⁴ <http://www.utro.ru/aticles/politics/2000/08/14/2000081403131041440.shtml>
- ⁵ Официальный сайт РПЦ // www.mospart.ru
- ⁶ Концепция государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями в Российской Федерации <http://www.state-religion.ru>
- ⁷ Концепция Государственной религиозной политики Российской Федерации. Проект кафедры религиоведения Российской академии государственной службы при Президенте РФ, ноябрь 2003 г. Авторский коллектив: Васильева, Журавский, Кырлежев // <http://religioved.narod.ru/religioved/016.htm>
- ⁸ Конституционно-правовой анализ содержания принципа светского характера государства в Российской Федерации, закрепленного в части 1 статьи 14 Конституции Российской Федерации // www.state-religion.ru **риппа**
- ⁹ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля, В 4 томах. Том 4. — Санкт-Петербург; Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. — С. 158. — (Репринтное издание — М.: «Русский язык», 1978).
- ¹⁰ Журавский А. , Кырлежев А. Российское государство перед феноменом религиозности: Политика власти в отношении конфессий должна строиться на концептуальных основаниях // НГ-Религии. 2003. 15 октября..
- ¹¹ Дискуссия вокруг проекта концепции государственной религиозной политики, подготовленного на кафедре религиоведения РАГС Б^1:p://геИ\$тп.зоуа-сеп1ег.ги/a13сизз1оп8/18ВАА14/18ГА5Е9/28Г4680
- ¹² Бурьянов С.А., Мозговой С. А. Цели и методы религиозной политики. Нужна ли России концепция отношений государства с религиозными объединениями? // НГ-Религии. — 2001. — 24 окт.; Бурьянов С. А., Мозговой С.А. Государственно-конфессиональные отношения И тенденции трансформации Законодательства о свободе совести // Юридический мир. — 2001. — N 12.
- ¹³ Вносится депутатом Государственной Думы А. В. Чуевым Проект Федеральный закон о социальном партнерстве государства и традиционных религиозных организаций в Российской Федерации//<http://asozd.duma.gov.ru/intranet/kom21.nsf/I/F48383E0874F5ABBC3256CD4006219FF?OpenDocument>
- ¹⁴ Опубликован законопроект Сергея Глазьева «О социальном партнерстве государства и религиозных организаций в целях сохранения национальных духовных традиций и обеспечения социальной защиты населения России» <http://religion.sova-center.ru/discussions/18BEA07/195F7D3/1B5B358>.

Занданова Л.В.

Иркутский государственный педагогический университет

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СКЛАДЫВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И ФОРМИРОВАНИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ОРГАНОВ

Современное состояние исторического знания во многом изменило подходы к ранее исследованным темам, среди которых находятся аграрные миграции в России и в СССР. В настоящее время появилось много работ, посвященных переселениям крестьянства в период столыпинской реформы, насильственному переселению крестьян и других категорий населения в советское время, однако мало кто из исследователей обращается к теме добровольных организованных миграций, А между тем, на наш взгляд, существует несколько моментов, по которым следует более пристально